

Алексей Толстой

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т52

Разработка серийного оформления *А. Старикова*

В оформлении обложки использован
рисунок художника *А. Дубовика*

Толстой, Алексей Николаевич.

Т52 Гиперболоид инженера Гарина / Алексей Толстой. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-092917-7

Таинственное убийство на Крестовском острове в Петрограде выводит сотрудника уголовного розыска Василия Шельгу на след инженера Петра Гарина, создателя гиперболоида – аппарата, способного в считанные мгновения разрезать тепловым лучом даже бронированный корпус дредноута. Тем временем Гарин демонстрирует мощь своего изобретения американскому миллионеру Роллингу. Над миром нависает угроза невиданной диктатуры...

«Гиперболоид инженера Гарина» публикуется в авторской редакции впервые с 1933 года!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092917-7

© А.Н. Толстой, наследники, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

В Париже довольно места, где можно хорошо пообедать, получить бутылку отличного вина, рюмку старого коньяку, где смена блюд и вин проносится симфонией от кончика языка до окончательного выхода.

Но в этом сезоне деловой мир выбрал почему-то для обеденного часа гостиницу «Мажестик». Там можно было встретить образцы всех наций, кроме французской. Там между блюдами велись деловые разговоры и заключались сделки под звуки оркестра, хлопанье пробок и женское щебетанье.

В великолепном холле гостиницы, устланном драгоценными коврами, близ стеклянных крутящихся дверей важно прохаживался высокий человек, с седой головой и энергичным бритым лицом, напоминающим героическое прошлое Франции. Он был одет в черный широкий фрак, шелковые чулки и лакированные туфли с пряжками. На груди его лежала серебряная цепь. Это был верховный швейцар, духовный заместитель акционерного о-ва, эксплуатирующего гостиницу «Мажестик».

Заложив за спину подагрические руки, он останавливался перед стеклянной стеной, где среди цветущих

в зеленых кадках деревьев и пальмовых листьев обедали посетители. Он походил в эту минуту на профессора, изучающего жизнь растений и насекомых за стенкой аквариума.

Женщины были хороши, что и говорить. Молоденькие прельщали молодостью, блеском глаз: синих — англосаксонских, темных, как ночь, — южноамериканских, лиловых — французских. Пожившие женщины приправляли, как острым соусом, блекнущую красоту необычайностью туалетов. Парижские портные тонко понимали это дело.

Да, что касается женщин, — все обстояло благополучно. Но верховный швейцар не мог того же сказать о мужчинах, сидевших в ресторане.

Откуда, из каких чертополохов, после войны вылезли эти жирненькие молодчики, коротенькие ростом и шикарные, с волосатыми пальцами в перстнях, с воспаленными щеками, трудно поддающимися бритве?

Они суетливо глотали всевозможные напитки с утра до утра. Волосатые пальцы их плели из воздуха деньги, деньги, деньги... Они ползли из Америки по преимуществу, из проклятой страны, где шагают по колена в золоте, где собираются по дешевке скупить весь добрый старый мир.

2

К подъезду гостиницы бесшумно подкатил «Рольс-Ройс» — длинная машина с кузовом из красного дерева. Верховный швейцар, брэнча цепью, поспешил к крутящимся дверям.

Первым вошел, засунув руки в карманы пальто, желтовато-бледный человек небольшого роста, в котелке, надвинутом на глаза, с черной коротко подстриженной бородой, покрывающей большую половину щек, с раздутыми ноздрями мясистого носа.

Он остановился, поджидая спутницу, которая говорила с молодым человеком, выскочившим навстречу автомобилю из-за колонны подъезда. Кивнув ему головой, она прошла сквозь крутящиеся двери. Верховный швейцар узнал ее: это была знаменитая Зоя Монроз, одна из самых шикарных женщин Парижа. Она была в белом суконном костюме, обшитом на рукавах, от кисти до локтя, длинным мехом черной обезьяны. Ее фетровая маленькая шапочка была создана великим Колло. Ее движения были уверенны и небрежны. Она была красива, тонкая, высокая, с длинной шеей, с немного большим ртом, с немного приподнятым носом. Синевато-серые глаза ее казались холодными и страстными.

— Мы будем обедать, Роллинг? — спросила она человека в котелке.

— Нет. Я буду с ним говорить до обеда.

Зоя Монроз усмехнулась, как бы снисходительно извиняя резкий тон ответа человека в котелке. В это время в дверь проскочил молодой человек, говоривший с Зоей Монроз у автомобиля. Он был в распахнутом стареньком пальто, с тростью и мягкой шляпой в руке. Возбужденное лицо его было покрыто веснушками. Редкие жесткие усики точно приклеены. Он намеревался, видимо, поздороваться за руку, но Роллинг не вынул рук из карманов. Сказал еще резче:

— Вы опоздали на четверть часа, Семенов.

— Меня задержали... По нашему же делу... Ужасно извиняюсь... Все устроено... Они согласны... Завтра могут выехать в Варшаву...

— Если вы будете орать на всю гостиницу, вас выведут, — сказал Роллинг, уставившись на него рыжими глазами, не обещающими ничего доброго.

— Простите — я шепотом... В Варшаве будет все уже подготовлено: паспорта, одежда, оружие и прочее. В первых числах апреля они перейдут границу...

— Сейчас я и мадемуазель Монроз будем обедать, — сказал Роллинг, — вы поедете к этим господам и передадите им, что я желаю их видеть сегодня в начале пятого. Предупредите, что, если они вздумают водить меня за нос, — я выдам их полиции...

3

На рассвете, близ бонов гребной школы, на реке Крестовке остановилась двухвесельная лодка.

Из нее вышли двое, и у самой воды произошел между ними короткий разговор, говорил только один — резко и повелительно, — другой глядел на полноводную, тихую, темную реку.

За голыми чащами Крестовского острова, в ночной синеве, разливалась весенняя заря. Ни всплеска, ни шороха.

Затем эти двое наклонились над лодкой, огонек спички осветил их лица. Они вынули со дна лодки свертки, и тот, кто молчал, взял их и скрылся в лесу, а тот, кто говорил, прыгнул в лодку, оттолкнулся от бе-

рега и часто заскрипел уключинами. Очертание гребущего человека прошло через заревую полосу воды и растворилось в тени противоположного берега. Небольшая волна плеснула от боны.

Спартаковец Тарашкин, «загребной» на гоночной распашной гичке — четырехвесельном аутригере, — дежурил в эту ночь в клубе. По молодости лет и весеннему времени, вместо того, чтобы безрассудно тратить на спанье быстролетные часы жизни, — Тарашкин сидел над сонной водой на бонах, обхватив колени.

В ночной тишине было о чем подумать. Два лета подряд проклятые москвичи, не понимающие даже запаха настоящей воды, тренированные в москворецкой луже вместе с лягушками, били гребную школу на одиночках, на четверках и на восьмерках. Это было обидно. И пережить этого было нельзя.

Но спортсмен знает, что поражение ведет к победе. Это одно, да еще, пожалуй, прелесть весеннего рассвета, пахнущего острой травкой и мокрым деревом, поддерживали в Тарашкине присутствие духа, необходимое для тренировки перед большими июньскими гонками.

Сидя на бонах, Тарашкин видел, как пришвартовалась и затем ушла двухвесельная лодка. Тарашкин отнесился спокойно к жизненным явлениям. Но здесь показалось ему странным одно обстоятельство: двое, стоявшие на берегу, были похожи друг на друга, как два весла. Одного роста, одеты в одинаковые широкие пальто, у обоих мягкие шляпы, надвинутые на лоб, и одинаковая остренькая бородка.

Но, в конце концов, в республике никому не запрещается шататься по ночам, по суше и по воде, со своим

двойником. Тарашкин, наверно, тут же бы и забыл о личностях с острыми бородами, если бы не странное событие, происшедшее в то же утро поблизости гребной школы в березовом леску, в полуразвалившейся дачке с заколоченными окнами.

4

Черт его знает с каких пор повелось думать, что Россия страна сухопутная. Взгляните на карту Союза — две трети границ омываются морями. Это — не считая внутренних рек и озер.

Смешно сказать, — всего лишь двести лет тому назад начали заводить флот в России. И его же умудрился рыжий монастырский поп Филька проклясть с амвона на веки веков, — ни дна, ни покрышки.

Русский военный флот, проклятый попом Филькой, три раза начинал строиться и три раза погибал. Торговый флот, в сравнении с такой махиной государства, был подобен жалости. Ему и крупинки не в силах было вывезти из русских богатств: миллиарды пудов хлеба, руды, сырья, миллионы стандартов леса. А по сути вещей уместно было, чтобы десятки тысяч русских кораблей бороздили моря, океаны и реки.

Уместно было наплевать в бороду попу Фильке, кричавшему с амвона: «Наш монастырь, дескать, не может кораблей строить, мы, дескать, плавать не понимаем, вода для англичан и голландцев, а мы, дескать, природные — сухопутные, мы в лаптях ходим, нам, дескать, корабли без нужды, и без них проживем на сухопутье».

Уместно приохотить русского человека к воде и волне, обдуть его свежим ветром, — ветер и море, про-

сторы океанов, пестрота и богатство жизни, великие задачи всечеловеческого мирного общения, — вот что должно прийти на смену унылой толчее в лаптях на трех десятинах сухопутья.

5

«А между тем, — продолжал рассуждать сам с собой Тарашкин, повертываясь голой спиной к солнцу, едва поднявшемуся над зарослями, — губисполком выкатил 250 тысяч — строит стадион на Голодае, а в клубе у нас картошку варить не на чем. Ну, хорошо, там физкультура. А мы морскую мощь создаем, а в клубе 300 целковых — денег и тех не хватает купить весла. Обидно, между прочим».

Тарашкин хрустнул мускулами, подмигнул солнцу и пошел во двор клуба собирать щепки. Время было шестой час в начале.

В это время стукнула калитка, и по влажной дорожке, ведя велосипед, подошел Василий Витальевич Шельга.

По всем статьям Шельга был хороший спортсмен, мускулистый и легкий, среднего роста, с крепкой шей, быстрый на глаза, спокойный и осторожный. Он служил в уголовном розыске и спортом занимался для общей тренировки.

— Ну, как дела, товарищ Тарашкин? Десятого флаг подыдем. Все в порядке? — спросил он, ставя велосипед у крыльца. — Приехал повозиться немного... Смотри — мусору, ай, ай!

Он снял френч, закатал рукава на худых, мускулистых руках и принялся за уборку клубного двора, еще

заваленного материалами, оставшимися от ремонта бонов.

— Сегодня придут ребята с завода — за одну ночь уберем, — сказал Тарашкин, — как же, Василий Витальевич, записываетесь в команду на шестерку?

— Не знаю, как и быть, — сказал Шельга, откатывая смоляной бочонок, — с одной стороны, москвичей бить нужно, это дело — святое, с другой — боюсь, не смогу быть аккуратным... Смешное дело одно у нас навертывается по угрозыску.

— Опять насчет бандитов что-нибудь?

— Нет, поднимай выше — уголовщина в международном масштабе.

— Жаль, — сказал Тарашкин, — а то бы погребли.

Выйдя на боны и глядя, как по всей реке играют солнечные зайчики, Шельга стукнул черенком метлы и вполголоса позвал Тарашкина:

— Вы хорошо знаете — кто тут живет поблизости на дачах?

— Живут кое-где зимогоры.

— А никто не переезжал в середине марта, когда вы начали ремонт?

Тарашкин сморщился на солнечную реку, чесанул голый живот, почесал около загорелого плеча, ногтями ноги скребнул другую ногу. Не то чтобы он этими приемами помог себе думать, — скорее всего занял время, понадобившееся для такого вздорного занятия, как ни с того ни с сего взять и припомнить — не переехал ли в марте какой-нибудь обыватель на дачу.

— Вон в том лесике — заколоченная дача, — сказал Тарашкин, — недели четыре назад, это я помню, гляжу — из трубы дым. Мы так и подумали — не то там беспризорные, не то бандиты.

— Видели кого-нибудь с той дачи?

— Пойдите, Василий Витальевич! Их-то я, должно быть, и видел сегодня.

И Тарашкин рассказал, обстоятельно и подробно, о двух личностях, причаливших на рассвете к болотистому берегу.

Шельга поддакивал: «так, так», глаза у него стали как щелки.

— Пойдем, покажи дачу, — сказал он и привычным движением тронул висевшую сзади на ремне кобуру револьвера.

6

Дача в голом березовом леску казалась на первый взгляд необитаемой, — крыльцо сгнило, ржавые листы железа висели на нем. Окна заколочены досками по-верх ставень. В мезонине выбиты стекла. Углы дома под остатками водосточных труб поросли мхом. Под самые подоконники росла лебеда.

— Вы правы — там живут, — сказал Шельга, осмотрев дачу из-за деревьев, потом осторожно обойдя ее кругом. — Сегодня здесь были. Вход через черное крыльцо... Но за каким дьяволом им понадобилось лазить в окошко? Тарашкин, идите-ка, здесь неладно.

Они быстро подошли к черному крыльцу. На нем были видны следы ног. Налево от крыльца на окне висела боком ставня — свежесорванная. Окно раскрыто внутрь. Под окном, на влажном песке, опять — отпечатки ног. Следы большие, видимо, тяжелого человека, и другие — поменьше, узкие — носками внутрь.

— На крыльце следы другой обуви, — сказал Шельга.

Он заглянул в окно, тихо свистнул, позвал: «Эй, дядя! У вас окошко отворено, кабы чего не унесли». Никто не ответил. Из полутемной комнаты тянуло сладковатым неприятным запахом.

Шельга позвал громче, поднялся на подоконник, вынул револьвер и мягко спрыгнул в комнату. Полез за ним и Тарашкин.

Первая комната была пустая, под ногами валялись битые кирпичи, штукатурка, обрывки газет. Полуоткрытая дверь вела в кухню. Здесь на плите под ржавым колпаком, на столах и табуретах стояли примусы, фарфоровые тигли, стеклянные, металлические реторты, банки и ящики с препаратами. Один из примусов еще шипел, догорая.

Шельга опять крикнул. Покачал головой и осторожно приотворил дверь в полутемную комнату, прорезанную плоскими, сквозь щели ставень, лучами солнца.

— Вот он! — сказал Шельга. Они подошли в глубине комнаты к железной кровати. На ней навзничь лежал одетый человек. Руки его были закинута за голову и прикручены к прутьям кровати. Ноги обмотаны веревкой. Пиджак и рубашка на груди разорваны. Голова естественно запрокинута, остро торчала борода.

— Ага, вот они как его, — сказал Шельга, осматривая под соском убитого глубоко, до рукоятки, загнанный финский нож. — Пытали... Смотрите...

— Василий Витальевич, это тот самый, кто на лодке пришел. Его не больше как часа полтора назад убили.

— Будьте здесь, караульте, — ничего не трогать, никого не пускать. Слышите, Тарашкин?

Через несколько минут Шельга говорил по телефону из клуба:

— Наряд на вокзалы... Проверять всех пассажиров... Наряд во все гостиницы. Проверить всех, кто возвратился между шестью и восемью утра. Агента и собаку в мое распоряжение.

7

До прибытия собаки-ищейки Шельга приступил к тщательному осмотру дачи, начиная с чердака.

Повсюду валялся мусор, битое стекло, обрывки обоев, ржавые банки от консервов. Окна затянуты паутиной, в углах — поросли грибов. Дача, видимо, была заброшена еще с 1918 года. Обитаемыми оказались только кухня и комната с железной кроватью. Нигде ни признака удобств, никаких остатков еды, кроме найденной в кармане убитого французской булки и куска чайной колбасы.

Здесь не жили, сюда приезжали делать что-то, что нужно было скрывать. Таково было первое положение, полученное Шельгой в результате обыска. Исследование кухни показало, что здесь работали над какими-то химическими препаратами. Шельга нашел в цинковых ящиках большое количество древесного угля, серы, порошка алюминия, окиси железа, металлического натрия, желтого фосфора. Некоторых материалов он не мог определить. Исследуя кучки золы на плите под колпаком, где, очевидно, производились химические пробы, перелистав несколько брошюр по неорганической химии с загнутыми уголками страниц, он установил второе: убитый человек занимался всего-навсего невинной пиротехникой.

Такое умозаключение поставило Шельгу в тупик. Он еще раз обыскал платье убитого, нового ничего